

Сергей Безруков: На автоответчике я говорю голосом Ельцина

— Сергей, недавно на спектакле "Анекдоты" человека вынесли из зала. Что случилось?
— Мы играли первую часть, "Бобок". Было душно, в тот момент, когда я говорю: "Меня в закрытом гробу хоронили!", все махали руками перед носом. И вдруг в зале: "Ой! Погодите! Остановите спектакль! Помогите! Плохо человеку". Что делать? Я замер, все лежим в своих гробах, Володя Машков пошел закрыть занавес. Через некоторое время продолжили играть... И я подумал про себя: "Хорошо в принципе! Надо же, как искусство влияет на человека..." Жуть, конечно, кошмар. Но играть приходится разные роли.
— И пластика совершенно разная.
— У Есенина в "Жизни моей..." развернутая грудь, широкие движения, а у Арлекина из "Прощайте... и рукоплещите!" пластика подвижна. И в "Психе" я превращаюсь по ходу действия в сумасшедшего, начинают не слушаться руки, пальцы, начинают не слушаться язык. Он становится страшным человеком, совсем сумасшедшим.
— Вас трогает то, что зрители на "Психе" плачут? Это помогает?
— Я понимаю, что я достучался до них, что я задел какие-то струны. Конечно, это определенный актерский садизм. Но когда ты сам все это проживаешь, то получается такой садомазохизм.
— Когда вы играете, между вами и вашим героем есть некий зазор?
— Я стараюсь, чтобы он был как можно меньше. В этом, наверное, и есть мастерство, наше знаменитое мхатовское перевоплощение. Ты вдруг начинаешь мыслить как герой, так же разговаривать. И действительно, появляется "четвертая стена". Зритель есть, все равно ты его чувствуешь — но в какие-то моменты зазор между тобой и им падает, и ты остаешься в этих четырех стенах.
— Ваш герой и герой Минчина, автора романа, — разные люди?
— Да, абсолютно. Все-таки Минчин не был в дурдоме, он писал про откровения каких-то людей. А режиссер, Андрей Житинкин, в свое время "косил" от армии. Он и приблизил спектакль к реальности. Минчин даже хотел, чтоб я стал цветом волос темный, под него.
— Да, абсолютно. Все-таки Минчин не был в дурдоме, он писал про откровения каких-то людей. А режиссер, Андрей Житинкин, в свое время "косил" от армии. Он и приблизил спектакль к реальности. Минчин даже хотел, чтоб я стал цветом волос темный, под него.
— Ваш герой и герой Минчина, автора романа, — разные люди?
— Да, абсолютно. Все-таки Минчин не был в дурдоме, он писал про откровения каких-то людей. А режиссер, Андрей Житинкин, в свое время "косил" от армии. Он и приблизил спектакль к реальности. Минчин даже хотел, чтоб я стал цветом волос темный, под него.

светленькое, и того сломали и этого, и тот сошел с ума, и этот повесился. Так что я остался при себе, как говорится.
— Бывает страшно играть в "Психе"?
— Бывает, бывает...
— Приходится выбираться из этого состояния?
— Я думаю, что нервные актеры с подвижной психикой если не сходят с ума, то живут долго. Ведь говорят же: поплачь — легче станет. В химии нужно поискать: со слезами какие-то вредные вещества, шлаки выводятся из организма. Нужно больше плакать, тогда будешь жить дольше! Вот такая формула...
— Дункан в спектакле "Жизнь моя, иль ты приснилась мне?" говорит: "В его сердце — Бог, в голове — дьявол!" Вы согласны с этим?
— Даже просто потому, что существует религия, можно сказать, что внутри человека идет борьба дьявола и ангела-хранителя. Конкретно в Сергее Александровиче было и то, и то — наполовину. В нем была детскость и наивность пацана. Сейчас мне предстоит поехать опять в Америку. "Опять" — оговорился. То есть через семьдесят пять лет Сергей Александрович опять едет в Америку... Когда он приехал в Америку, все были уверены, что он очень молод — внешность у него была семнадцатилетнего пацаненка. Но плюс ко всему это был мужик, плюс все эти пьянки — и все это вместе в одном человеке уживается. И когда человек пострадал и принял смерть лютую, то уж говорить о том, какой он был нехороший, не приходится — сама эта смерть оправдывает его.
— Вы сказали, что зазор между вами и ролью очень маленький. А как же вы — "умираете" на каждом "Психе", на каждом "Есенине"?
— Если бы я умер совсем на сцене, тогда другое дело. Не умираю, но тем не менее мне хватают. Я получаю какие-то травмы на спектаклях — царапины, ссадины. На премьере "Есенина" в финале чекист меня ударил по-настоящему, у меня распухла губа, и я вышел часто на поклоны. Колени бьют так, в "Бобке" даже надеваю наколенники. Мне хватают всяких ссадин. А насчет зазора — я действительно стараюсь перевоплощаться. На "Есенине" я начинаю ощущать зал как символ всего народа. Вот тут зазор становится совсем маленьким. Когда идет обίδα в финале — вот это "Распните, распните меня!" — начинается больно колотить в сердце, в душе. Все эти мрази, все эти сывки, лаюшки, пытающиеся побишь цапнуть... Мне становится больно и обидно, за то, что оскорбляют меня в образе Сергея Есенина. И вот эта боль моя вырастает в ту боль, которая была у него. Или как я в "Психе" молю всех медсестер выпустить меня раньше — чувствую, еще немножко — и все, сойду с ума. Я готов целовать их, лишь бы выпустили. Вот это перевоплощение, когда ты начинаешь чувствовать, как твой герой в какой-то момент.
— "Табакерка" — сцена ка-

мерная, Ермоловский — достаточна большая. Что лучше?
— В плане общения со зрителем — в смысле, с народом, конечно, лучше такие большие театры. Приятно: ты отдаешь больше, но и получаешь больше в ответ, естественно. Но в больших залах говорить приходится громче, хотя не могу сказать, что в "Есенине" я стараюсь форсировать голос. Все равно там есть очень интимные сцены, и мне говорят: "Ты, сволочь, уже говоришь шепотом!" Зал напрягается; муха пролетит — слышно. "Сереж, ты этим уже злоупотребляешь, не надо этим пользоваться совсем уж". А в "Табакерке" — не скажу, что можно работать тихо, здесь тоже приходится работать в голос, но это общение более близкое, интимное. Настоящий зритель сидит близко, что ты смотришь ему в глаза.
— Не выбивает из колеи?
— Еще как! Особенно когда сидят родственники или знакомые, девочка сидит знакомая. Забы-

вает, и это, кстати, выбивает очень сильно, особенно когда он закрывает лицо рукой. У человека, может быть, подкатили слезы и ему стало неловко, а ты начинаешь воспринимать это совершенно по-другому. Жуткое ощущение. Нужно, чтобы актер не был совсем ранимым, иначе он зависит буквально от всего.
— В "Прощайте... и рукоплещите!" у вас роль Арлекина. Это психологический отдых от ролей трагических? Или напряжение не меньше, чем "Псих" или "Жизнь моя..."?
— Момент отдыха есть. Я заметил, что у меня почти все роли связаны с выплеском энергии, чуть ли не всегда с истерикой. Я все-таки предпочитаю играть в спектаклях трагифарса. Я могу и пошутить, и покоморить, и плюс играть трагедию. Я люблю играть комедийные роли; моя любимая — это Хлестаков, еще нереализованный... Поскольку нервная система истощается, ей нужно какое-то

восполнение. В Арлекине больше нагрузка физическая. То есть это техника, реальная техника итальянского Арлекина. Ферруччо Солери, знаменитый Арлекин, который работал со Стреллером в "Слуге двух господ", приезжал к нам и элементарно преподавал технику. Он потрясающий Арлекин, это человек. Действительно, есть момент такого безстыдства, но вместе с тем настоящей исповеди, когда ты начинаешь плакаться и раскрывать душу человеку, который тебя не знает. Конечно, некоторый ужас в этом есть. Ведь неизвестно, какой человек перед тобой сидит, а ты перед ним душу распахиваешь. Страшно, но это приходится делать буквально каждый вечер. Сам себя выворачиваешь, а люди разные бывают. Бывает, кому-то что-то не нравится. Кто-то сразу с чистым сердцем смотрит на тебя и готов все принять, и это, кстати, выбивает очень сильно, особенно когда он закрывает лицо рукой. У человека, может быть, подкатили слезы и ему стало неловко, а ты начинаешь воспринимать это совершенно по-другому. Жуткое ощущение. Нужно, чтобы актер не был совсем ранимым, иначе он зависит буквально от всего.
— В "Прощайте... и рукоплещите!" у вас роль Арлекина. Это психологический отдых от ролей трагических? Или напряжение не меньше, чем "Псих" или "Жизнь моя..."?
— Момент отдыха есть. Я заметил, что у меня почти все роли связаны с выплеском энергии, чуть ли не всегда с истерикой. Я все-таки предпочитаю играть в спектаклях трагифарса. Я могу и пошутить, и покоморить, и плюс играть трагедию. Я люблю играть комедийные роли; моя любимая — это Хлестаков, еще нереализованный... Поскольку нервная система истощается, ей нужно какое-то

Там была чистая импровизация! Текст какой-то оговаривался, конечно, но все хохмы, детали — все импровизация. Люди за пультом хохочут: "Это оставить, и это тоже!" Но второй дубль идет уже совершенно по-другому, и оставляли всегда первый дубль.
— У вас там есть любимый сюжет?
— Мне особенно дорог сюжет со студентом театрального вуза. Я предложил смонтировать, чтобы в кадре я становился сначала матросом, потом поручиком, потом героем Янковского. А доктор сидит и думает: "Ой, это клиника: человек-Наполеон!" И здесь, кстати, я впервые сделал пародию на Олега Ивановича Янковского. Он звонил мне после этого, ему безумно понравилось... Причем в этих сценках начинаются диснеевские мультфильмы. Я никогда не озвучивал мультяшки, хотя мне говорят: "Серега, если бы сейчас существовал "Союзмультфильм", ты был бы главным, кто озвучивает мультфильмы. А так у тебя есть "Куклы"..."
— В "Куклах" вы озвучиваете Ельцина, Горбачева, Явлинского, Жириновского...
— Куликова, Лившица, Федорова, Солженицына, Хрущева... Там много их, очень много.
— Давно обнаружили в себе эту способность?
— Все это с детства. Ведь в жизни мы тоже друг друга перерабатываем. В человеке, наверное, осталось что-то от обезьян. Хотя я не сторонник теории Дарвина, но тем не менее. И в театральном вузе есть задания — наблюдения за животными, какие-то сценки на улице. Что-то увидел — пришел, вечером в эстафдах показываешь. Пародии — то же самое. Поэтому все мои пародии — это наблюдения за нашими политиками.
— Исполняли в корыстных целях?
— Да нет, собственно говоря. Просили меня на автоответчик записаться голосом Ельцина. Я это, конечно, делал бесплатно, просто по-дружески... Скоро выйдет фильм "Корабль двойников" с Жириновским в главной роли. Это будет нашумевший фильм, поскольку Жириновский не так часто снимается в кино, а там он сыграл майора милиции. Сюжет построен на двойниках — корабль с двойниками известных людей, которые едут на конкурс двойников. Я озвучивал Ельцина, Гитлера — сначала с украинским говором, а потом по-немецки, причем нес полную абракадабру. Джексона озвучивал, Ришара. Одна сценка с Жириновским оказалась в браке — надо было переозвучить. И меня попросили: "Слушай, а ты не можешь под синхрон записать?" Я говорю: "Давайте!" Взял наушники и за ним повторял. Потом, когда на компьютере соединили, они все обалдели: "Не может быть!" Потом сравнили запись его настоящего голоса с переозвученной сценой, совсем отличить было невозможно. Я перепробовал Жириновского, и думаю, что он сам даже не заметит.
— Осенью у вас, такого молодого, прошел творческий вечер в Доме литераторов.
— Это был, конечно, не творческий вечер — скорее концерт! Творческий вечер дело солидное. Я должен быть седым, такой пожелой Безруков: "Помнится, когда-то..." А я просто показал все, что умею. Это и Зошенко, и Куприн, и "незаменимый" голос программы "Куклы". Кстати, "Куклы" — единственная программа на телевидении, в которой я работаю. Мне предлагают стать ведущим какого-нибудь ток-шоу, но я не хочу. Это принесет известность, но это, мне кажется, дешево слишком. А потом это будет уже потолок, чего мне не хотелось бы. Мне не хотелось бы мелькать "Куклы" — это единственный вариант, когда работает только мой голос. Получается, я могу на "ты" общаться с нашими политиками — в этом есть что-то. Еще я выступаю со сцены и текст для своих пародий пишу сам. Получается смешно, судя по реакции зала. Порой я допускаю там страшные вещи и прикладываю очень крепко. Это не чистый жанр пародии, а политические вещи, что я люблю, поскольку сейчас свобода, и я в этой свободе купаюсь, и мне это нравится.
— Популярность вещь тяжелая?
— Не знаю. Я не достиг еще такой популярности, такой славы. Да это мне и не нужно сейчас. Но это то, к чему идет любой актер. Ведь без этого он не может состояться. Если слава есть, она подталкивает тебя находить в ролях что-то новое... А вообще актер должен получить всю полагающуюся ему славу при жизни. Художник, поэт, писатель могут стать известными после смерти, а вот актер... Существует же передача "Чтобы помнили..." за которую нужно благодарить Филатова. Кто сейчас помнит Гурзо? Если не ворошить историю, то так это все и уходит. И зачем актер тратил себя, сгорал?
— Давайте о веселом. Любимый анекдот?
— Да их масса на самом деле... Этот мне рассказал Витя Шендерович, он его привез из Израиля почему-то... "Стрекоза и Муравей". Муравышка летом работает, тащит бревнышко. Стоит шикарная дача, он мимо идет, оттуда выходит Стрекоза. "Куда, Стрекоза, намылилась?" — "На бал!" — "Ну-ну!" Осень, бредет Муравышка в дождевике, дождь капает, его заливают, скользко, мерзко. На шикарном "Мерседесе" проезжает мимо Стрекоза. "Ты куда, Стрекоза?" — "На бал!" — "Ну-ну!" Зима, мороз, в каком-то драмом пальтишке Муравышка бредет, замерзли лапоники, тащит свое бревнышко, спотыкаясь, мимо шикарного особняка. Из него выходит в норковой шубе Стрекоза. "Ты куда?" — "На бал!" — "Стой, Стрекоза. Увидишь на балу Ивана Андреевича Крылова, пошли его в...!!!" Этот анекдот, по-моему, очень своевременный и злободневный!

Встречалась Анастасия ТОМСКАЯ